

Отзыв

на диссертацию **Манина Даниила Олеговича «Внешнеполитические связи России и Франции во второй половине XVII в.»**, по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Исследования по истории внешнеполитических связей Московского царства XVII в. с отдельными государствами Европы имеют трудно переоценимое значение для анализа того, как постепенно Россия начала становиться все более значимой единицей в западной дипломатии. Русско-французские контакты в определенном смысле можно рассматривать как эталонные. Длительное время между этими двумя государствами не имелось, каких либо серьезных противоречий. Во многом этому способствовало отсутствие общей границы и значительная удаленность друг от друга. Однако постепенное встраивание Московского государства в вестфальскую систему международных отношений стало способствовать нахождению все большего количества точек взаимодействия и взаимозависимости. Простое общение государей, в ходе которого сообщались новости о смене правителя или о военных победах, заменялось созданием довольно сложных политических союзов. Через некоторое время русско-французским противоречиям или взаимным интересам предстоит стать одним из главных движущих моментов европейской политики. Но на начальном этапе два столь далеких и отличных друг от друга мира должны были по-настоящему познакомиться и попытаться понять друг друга. Главную заслугу в этом сыграли регулярные дипломатические миссии, курсировавшие между двух столиц. Именно они являются предметом данного исследования.

Рецензируемая работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. Во введении автор определяет объект, предмет, хронологические рамки, цели и задачи исследования, а также анализирует степень изученности данной темы и источники. Как сильную сторону представленного исследования необходимо отметить, что Д.О. Манин работал как с документами РГАДА, так и с материалами, отложившимися во французских архивохранилищах, а также с французской периодикой исследуемого периода.

Первая глава посвящена рассмотрению дипломатических контактов между Россией и Францией с 1654 по 1660-е гг., и в первую очередь в ней анализируется ход и последствия миссии во Францию гонца Г.К. Мачехнина (1654 г.).

Исследователь воссоздает общий фон, на котором происходит отправка миссии Г.К. Мачехнина (вступление Московского государства в русско-польскую войну и поиск странами союзников, для решения встающих перед ними задач). Диссертант показал, что взаимоотношения России и Франции с Речью-Посполитой и Швецией оставались важным фактором, влиявшим на контакты этих двух стран.

Главной целью миссии было объявить Людовику XIV о начале войны с Речью-Посполитой. Это объясняет ее малочисленность - гонец, дьяк А.К. Богданов, переводчик Р. Болвитинов, толмач Ю. Михайлов и 8 слуг. Однако в дальнейшем из текста диссертации мы узнаем о наличии в этой посылке еще одного толмача - Н. Дрябина (Л. 32). При этом, ни причины появления последнего, ни происхождение и языковые компетенции данных лиц не анализируются автором. Исследователь подробно рассматривает все перипетии следования гонца до Парижа, а также его встречи и пребывание в столице Франции. Для исследования русской приказной практики важны наблюдения Д.О. Манина о разночтениях в описании хода тех или иных протокольных моментов в русских и французских источниках (Л. 40), что в очередной раз ставит вопрос о степени искажения в статейных списках и книгах описываемых событий. Диссертант отмечает, что «...гонец К.Г. Мачехнин не участвовал в дискуссиях о написании царского титула, избегал большинства церемониальных конфликтов и не стремился изучить парижскую жизнь и достопримечательности, однако он справился с основной задачей – передачей царской грамоты, назначением аудиенций лично у короля и получением от него ответной грамоты» (Л. 53). Подобная индифферентность представителя русской стороны, впрочем, не оказала влияние на заметную негативную реакцию французов. Со своей стороны отметим, что отправления гонцов не следует называть «посольствами», для этого лучше подходит нейтральная формулировка - «миссия».

По наблюдениям исследователя, России не удалось повлиять на позицию Франции, и она продолжала способствовать заключению союза между Швецией и Речью-Посполитой (Л. 56-57). Французская сторона предлагала свои посреднические услуги Речи-Посполитой и Швеции, что опосредованно делало ее противником Москвы. Это непосредственно влияло на ход дипломатических контактов между двумя странами, хотя в целом все выглядело миролюбиво, и в Париже создался положительный образ царя Алексея Михайловича (Л. 58). Предложение посредничества в переговорах между Россией и Швецией также не были оценены московской стороной.

Даниил Олегович анализирует ситуацию с продвижением в 1660-х гг. Францией своей кандидатуры на престол Речи-Посполитой. В этот период официальные контакты между двумя странами фактически были заменены перепиской с А.Л. Ордин-Нащокиным. В целом Франция заняла в отношении России осторожную, если даже нерешительную позицию, а дипломатия обоих государств показала гибкость и возможность взаимопонимания.

Вторая глава освящает дипломатические контакты между двумя государствами в 1670-х гг. Ключевым моментом этого периода стала миссия посланника стольника П.И. Потемкина 1668 г. во Францию, во время которой предстояло объявить о заключении Андрусовского перемирия. Диссертант справедливо отмечает, что присутствующая в историографии точка зрения о том, что посольство имело антиосманскую составляющую несколько

преувеличена, это могло быть не более чем прощупывание почвы для дальнейших переговоров (Л. 87-91, 133-134). Хотя возможное антиосманское сближение и взаимовыгодная торговля были главными сближающими факторами во взаимодействии России и Франции. Именно П.И. Потемкину удалось создать положительный образ «русских» в глазах французской публики. Во многом это произошло благодаря большей открытости посланника по сравнению с его предшественником, гонцом Г.К. Мачехниным. Автор в своей работе неоднократно сравнивает этих двух лиц. Подобный подход вполне оправдан, но все же логичнее было бы сравнить двух или более посланников в разные европейские страны, к примеру, П.И. Потемкина и И.И. Чемоданова, отправленного в 1656 г. в Венецию. Это несколько скорректировало бы наблюдения диссертанта.

Исследователь в своей работе большое внимание уделил внешней стороне миссии - описание дороги, приемов, посещение посланником различных общественных мест. Но наряду с этим он абсолютно справедливо отметил и борьбу посланника за правильный титул московского государя. Следует согласиться с мнением Д.О. Манина о том, что «главным достижением миссии стольника П.И. Потемкина и дьяка С.В. Румянцева во Францию в 1668 г. было создание дипломатической традиции, как в контексте приема русских посланников, так и по вопросам написания царского титула» (Л. 135). Но и французская сторона большое внимание уделяла вопросам этикета и титулатуры (Л. 163). В действительности во время русско-французских дипломатических контактов поднимался и вопрос о заключении торгового договора, но по различным причинам это начинание не получило должного развития.

Посольство П.И. Потемкина во многом облегчило миссию гонца А.А. Виниуса (1673 г.). Невысокий статус гонца и военные действия, которые в тот период вела Франция, не привлекли к Виниусу столь большого внимания как к его предшественникам. Однако происхождение (из семьи иноземцев на русской службе, купцов) и служба в Посольском приказе в переводчиках позволили поставить аналитику русско-французских отношений на качественно иной уровень.

Третья глава посвящена рассмотрению русско-французских контактов начала 1680-х гг. В 1681 г. П.И. Потемкин вновь отправляется посланником во Францию, и теперь именно заключение торгового договора выходит на первое место. Отчасти именно готовность русской стороны к заключению торгового соглашения привело к обещанию направить к русскому царю ответное посольство, что должно было поставить межгосударственные контакты на качественно иной уровень (Л. 199). Другое дело, что на практике все сложилось несколько не так.

В четвертой главе анализируются дипломатические контакты между этими странами после 1682 г. В целом здесь наметилась серьезная пробуксовка, которая раздражала тогдашних глав Посольского приказа (В.В.

Голицына и Е.И. Украинцева). В целом миссия 1681 г. была объявлена провальной и главным виновником этого назначили П.И. Потемкина. Постепенно на первое место вышла идея создания широкой антиосманской коалиции, в которой кроме России была заинтересована и Речь-Посполитая. Для привлечения к союзу Франции к Людовику XIV отправили посланника С.Е. Алмазова. Миссии не удалось заключить ни торгового соглашения, ни серьезно продвинуться в формировании антиосманской коалиции. По мнению О.Д. Манина главными ее результатами стали более регулярные дипломатические контакты между двумя государствами, вызванные, в том числе и возможными профранцузскими симпатиями В.В. Голицына (Л. 232, 239). Стремление России заключить широкую антиосманскую коалицию способствовало продолжению контактов. Хотя, как показал диссертант, в Москве не до конца разбирались в хитросплетениях европейской политики, в частности франко-имперских противоречиях (Л. 240-242). В конечном итоге это и привело к кризису русско-французских отношений, столь ярко выразившихся в миссиях гонца Н.Е. Бехтерева и великих и полномочных послов кн. Я.Ф. Долгорукова, кн. Я.Е. Мышецкого и дьяка К.В. Алексеева (1687 г.). Нежелание Людовика XIV вступать в антиосманскую коалицию сделали миссию изначально провальной. После этого отношения между двумя странами резко ухудшились. Это, в частности выразилось в отказе пропустить через Россию миссию французских иезуитов в Китай. Тем самым ни один из вопросов, поднятых русской или французской дипломатией на переговорах между собой, не был окончательно решен к концу 1680-х гг. Но уже тогда были заложены основные принципы, позволившие России занять в скором будущем высокий международный статус - отказ находиться в фарватере габсбургской или антигабсбургской коалиции (Л. 289).

В приложении даны изображения французских гравюр второй половины XVII в., являющимися иллюстрациями к описываемым событиям и карта Филиппа Авриля 1692 г., показывающая сухопутную дорогу из Европы в Китай.

В целом, именно описание, анализ и сопоставление рутинной повседневной церемониальной жизни русских миссий во Франции является на наш взгляд одной из главных и удачных частей рецензируемого диссертационного исследования. Благодаря данной работе становится понятным как происходило формирование и постепенная подстройка этикетных норм, в том числе и с учетом русских традиций (Л. 193, 195). Важны и установленные представителями миссий «личные контакты», хотя они, скорее, влияли на отношение французской публики к загадочным русским, нежели на принятие реальных дипломатических решений.

Имеются в работе и отдельные недочеты, впрочем, не умаляющие общее положительное впечатление о ней.

1. Исследователь некритично подошел к некоторым заявлениям Г.К. Котошихина, не попытавшись их проверить. Так подьячий Посольского

приказа писал о том, что «ко французскому, ко ишпанскому, к португальскому королем посылок и ссылок не бывало...» (Л. 29). Но в архиве Посольского приказа по описи 1673 г. известны документы о русско-французских дипломатических контактах начиная с конца XVI в. (книги и столпы)¹. В титулярнике № 2 сведения о переписке с французскими королями фиксируются с 1614/15 г.² Данный факт отчасти противоречит еще одним выводам Даниила Олеговича, о том, что «источники по русско-французским отношениям выделялись Посольским приказом в отдельную группу, но не составляли самостоятельной единицы хранения до их классификации архивистами в конце XVIII в.» (Л. 21). Исследователь пришел к этому на основании того, что «французские материалы в 1674/1675 г. находились вместе с датскими, бухарскими, крымскими, монгольскими, сибирскими, индийскими и китайскими делами в ведении подьячего М.Г. Бурцева». На самом деле у Бурцева хранились только текущие материалы, остальные же передавались в архив Посольского приказа. Другой вопрос в том, что мы не знаем, как он функционировал в рассматриваемый период.

2. Следовало больше внимания уделить биографиям лиц, участвовавших в тех или иных дипломатических миссиях. С одной стороны это позволило бы понять, почему именно тот или иной человек получил данное служебное назначение, и как оно отразилось на его дальнейшей службе, а с другой позволило бы избежать отдельных неточностей, как утверждение о том, что С.Е. Алмазов был сводным братом А.С. Матвеева (Л. 219). Перепроверка источников информации не подтверждает данное утверждение.

3. Говоря о значении посольства 1668 г. автор указывает на тот факт, что сведения о нем попали в титулярник 1672 г., где данные о русско-французских контактах были помещены среди европейских монархов на третью позицию, после Империи и Испании (Л. 85, 87). На самом деле об иерархическом месте того или иного государства/монарха в представлении русской дипломатии лучше всего говорит золотописное оформление посылаемых туда грамот, образцы которых приведены в титулярнике № 2 (1658/59 г.). В нем же даются примеры интитуляций и инскрипций в грамотах французских королей к русским царям и грамотах московских монархов к их французским визави с 1615 по 1668 гг. Интересно, что нарушение норм оформления посланий фиксируется в XVII в. только дважды в 1672 г. (оформление почти идентично оформлению грамот к императорам) и в 1685 г. (несколько пышнее обычного)³. В целом оформление грамот к французским королям идентично тем, что посылались в Данию и Швецию.

---

¹ Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. С. 117-118.

² РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 106-108 об.

³ «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI - начале XVIII в. М.; Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2021. С. 182, 186.

4. Требуется конкретизация заявления о том, что П.И. Потемкин не имел тесных родственных связей с московской аристократией (Л. 91). Нам неизвестны имена, происхождение и родственные связи его матери, теток и бабушек. Да и в целом говорить о невысоком статусе посланника следует с осторожностью.

Несмотря на сделанные замечания, многие из которых носят рекомендательный характер, или намечают новые направления в рассматриваемой соискателем теме, представленное диссертационное исследование **Манина Даниила Олеговича «Внешнеполитические связи России и Франции во второй половине XVII в.»** соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата исторических наук п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней» УрФУ, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра истории русского феодализма
Института российской истории РАН
Беляков Андрей Васильевич
26 ноября 2024 г.

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН), 117292, г. Москва ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. Телефон 8 499 126 94 49; факс 8 499 126 39 55. E-mail: belev@yandex.ru

